

БОГОСЛОВИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ: ФИЛОСОФСКАЯ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ?

П. Б. МИХАЙЛОВ

Настоящая статья продолжает дело методологического обеспечения основных теологических наук, инициированное в ряде последних публикаций «Вестника ПСТГУ», способствующее систематизации «энциклопедии теологических наук» и уточнению ее составляющих. Как показывает привлекаемый материал, прецеденты систематизации восходят к эпохе «исторического поворота» в немецком протестантизме начала XIX в. и разработкам Ф. Шлейермахера в частности. Уже в то время были выделены основные рубрики теологического знания — философская теология, историческая теология и практическая теология, а также содержащиеся в них специальные теологические дисциплины: апологетика и полемика, история теологии и история Церкви, систематика и библеистика, гомилетика и катехетика, литургика и душепопечение. Как подчеркивает автор, все разнообразные теологические дисциплины могут плодотворно развиваться лишь в тесном взаимодействии друг с другом при взаимном соблюдении существующих частных компетенций. В случае же выдвижения того или иного теологического дискурса на доминирующую роль неизбежными оказываются как конфликты внутри общего теологического знания, так и неразрешимые затруднения в ходе применения самого этого дискурса. Проект богословской реформы проф. МДА М. М. Тареева с большой наглядностью обнаруживает те неизбежные злоупотребления, к которым приводит узурпация лидирующей позиции одним из разделов теологического знания. Особое внимание уделено одной из обобщающих рубрик — исторической теологии: предпринята попытка ее содержательного определения, предложены варианты ее внутреннего дисциплинарного наполнения, дан обзор истории (XVI–XXI вв.), сформулированы основные постулаты, принципы и задачи.

Справедливо считается, что православную академическую деятельность во все времена отличала известная недооценка теоретических вопросов, несколько высокомерное безразличие к вопросам методологии и размышлениям над собственной природой, своими задачами и компетенциями. Дальше расстановки топографических указателей по границам своей узко дисциплинарной территории речь почти никогда не заходила; самое большое, о чем можно говорить, так это о методологии партикулярных теологических дисциплин (например, основного богословия или церковной истории в рамках академического богословского образования синодального периода), но никак не о вопросах общей методологической корреляции церковно-научных исследований или генераль-

ной архитектонике теологического знания. Потребности в авторефлексии, как правило, ослаблены либо в пользу научно-практического направления научных изысканий, либо, что наблюдается еще чаще, в пользу религиозной практики как таковой, опытного измерения богословского дела. Однако вряд ли вопрос о том, чем следует руководствоваться в церковно-научном исследовании и в какой его области тому или иному исследователю надлежит опознать свое место, можно признать праздным. За ним громоздятся ряды смежных вопросов: в каких направлениях может развиваться церковная наука; какие существуют прецеденты классификации научного знания в той области церковных или богословских исследований, которая получила удачное выражение на английском языке — *Christian studies*; какие запросы выставляет современность к церковно-научному знанию и что церковная наука может предложить нынешнему обществу. Несмотря на отсутствие потребности и, стало быть, навыка к теоретическому рассуждению в отечественной церковно-научной традиции, в последние несколько лет стали проявляться признаки пробуждения от этого «методологического сна».

Притязания философской теологии

Ряд недавних публикаций в богословской серии «Вестника ПСТГУ», принадлежащих известному отечественному историку философии Владимиру Кирилловичу Шохину¹, специалисту в различных областях философского знания, в частности в сфере активно им разрабатываемой научной дисциплины «философия религии», дает мощный импульс для методологической дискуссии в отечественном теологическом пространстве. Предлагаемая на этот раз программа теологических исследований вращается вокруг своей смысловой доминанты — философской теологии, которая поначалу понималась как «философская апология основных теистических верований»², однако очень скоро стала мыслиться как некая метатеология³, или метанаука внутри теологического знания и одновременно над ним. Эта «новационная теологическая программа», как ее характеризует сам автор⁴, призвана стать, по всей видимости, единой и (тем самым?) единственной программой развития церковной науки. Притязания философской теологии хорошо видны из основных задач, которые она призвана решать, по мысли Вла-

¹ Шохин В. К. Философская теология и основное богословие // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 1 (51). С. 57–79; *Он же*. Философская теология и библейская герменевтика: дискурс о постструктуралистском вызове // Там же. Вып. 6 (56). С. 41–51 (как дает понять автор публикаций, серия в Вестнике, посвященная инаугурации философской теологии, будет продолжена). При внимательном обращении к обширному творчеству В. К. Шохина (см., например: Владимир Кириллович Шохин: Библиографический указатель. М., 2011) обнаруживается, что вопросы философской теологии стали обретать очертания в его публикациях начиная с 2011 г.: Шохин В. К. Философия религии и разновидности рациональной теологии // Философия религии: Альманах. 2010–2011. С. 15–30; *Он же*. Новое введение в философскую теологию // Эванс Ч. С., Мэнис Р. З. Философия религии: размышление о вере. М., 2011. С. 11–13.

² Шохин. Новое введение в философскую теологию... С. 11.

³ См.: *Он же*. Философская теология и библейская герменевтика... С. 42 (где говорится о «метатеологическом предназначении» философской теологии).

⁴ *Он же*. Философская теология и основное богословие... С. 57.

димира Кирилловича: как философская, она «решает, — пишет автор, — “диалогические задачи” — вовлечения и “внешних”, и “невнешних” в совместное исследование... существительное в том же словосочетании указывает на то, что философская теология должна решать задачи духовно-практические — философской “нейтрализации” одних, обращения других и просвещения третьих»⁵. Церковного читателя должно бы, кажется, впечатлить выражение «философская нейтрализация» — во имя чего и от имени кого может производиться подобное отлучение, равно как обращение и просвещение? Ответ на этот вопрос вовсе не так очевиден — в той же самой статье читатель найдет характеристику философской теологии как «интеркультурного философского дискурса», произвольно выходящего за рамки «базовых верований своей традиции»⁶ (хотя последнее и представляется самому автору проблематичным, однако, как показывает применение философской теологии, этого выхода избежать не удастся). Стало быть, инстанция, решающая, кого следует нейтрализовать, а кого обращать или просвещать, выводится за какие-либо институциональные или конфессиональные рамки, обрастая секулярными производными.

Четко размечен набор функций и компетенций для философской теологии, указана область ее применения. В. К. Шохин определяет две основные функции: родовые апологетическую и герменевтическую и еще одну, критическую. Как мы увидим ниже, апологетическая функция является совершенно законным и устойчивым предназначением философской теологии, однако включение в поле ее активности также герменевтической работы накладывает на нее определенные генетические и конфессиональные обязательства, иными словами, ответственность за историю своего предмета, причастность к его содержанию и принадлежность к его носителям. И вот эта-то последняя герменевтическая претензия может оказаться роковой для философской теологии, поскольку критический потенциал секулярного философского анализа рано или поздно ставит под сомнение доктринальную сторону богословской традиции. Недаром В. К. Шохин заговаривает о безграничных возможностях расширения области применения философской теологии от беспредпосылочного, т.е. беспрецедентного, толкования Писания до рациональных оценок и, стало быть, вынесения решающего суждения, по различным сугубо богословским вопросам: «...она (философская теология, здесь в качестве философской герменевтики. — П. М.) должна быть связана... с современным философским истолкованием самой богооткровенности текстов Писания, основных стратегий их экзегезы... выявлением в “бесконечности” их смыслов тех, которые могут быть определяющими и для предметов современных философско-теологических дискуссий, а также с рационально-экспертными функциями по отношению к различным топосам Предания, которые вряд ли в настоящее время могут истолковываться в старо-схоластических схемах вроде *consensus patrum*»⁷.

Завершение цитаты особенно красноречиво. При таком наполнении своего функционала философская теология может пересматривать не только при-

⁵ Шохин. Философская теология и основное богословие... С. 77.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Там же. С. 77.

нятые церковно-библейские толкования⁸, но и различные аспекты церковного учения вне зависимости от того, признаны они Церковью как истинные или нет, под предлогом того, что критерии их отбора, в частности принцип «согласия Отцов», безнадежно устарели. От истории вопроса отныне можно с легкостью отмахнуться, сославшись на его седую старину. Добровольное неразумие, дефицит теоретической мысли, которые справедливо опознает в отечественной церковно-научной среде В. К. Шохин, конечно, есть признак младенческой незрелости. Но гораздо хуже, если эти проявления лени разума сопровождаются сознательным сиротством, своеобразной «богословской безотцовщиной», иными словами, решительным отказом от наследия христианской традиции. Ведь именно это в качестве постулата беспредпосылочности суждений и выдвигается как искомое состояние теологического знания, имеющего все начать сначала. А между тем именно «согласие Отцов» лежит в основе всецерковно принятых вероучительных определений традиционных христианских конфессий⁹.

Теперь о происхождении философской теологии. В. К. Шохин ограничивает научную географию философской теологии англо-саксонским миром — «философская теология — специфически англо-саксонское философское предприятие»¹⁰, «исконный продукт англо-саксонского философствования»¹¹; а историю начинает с 1928 г. — времени выхода первой монографии с одноименным названием, принадлежащей некоему Ф. Р. Теннанту, имя которого, надо заметить, весьма затруднительно обнаружить даже в самых подробных международных теологических справочниках и энциклопедиях. Впрочем, В. К. Шохин признает, что некоторые ее элементы разрабатывались в России до 1917 г., а сам термин *theologia philosophica* впервые был использован еще Фомой Аквинским в комментарии к трактату Боэция «О Троице» (1257–1258)¹². Итак, заключает В. К. Шохин, «философская теология как область знания — очень древняя, но как отдельная дисциплина — очень новая, так как академические книги с соответствующим названием стали появляться только в XX в.»¹³ Выбранная в данном случае точка отсчета,

⁸ Герменевтическое применение философской теологии представлено В. К. Шохиним в последней статье (см.: Шохин. Философская теология и библейская герменевтика...). Общая мысль этой публикации проста: постмодернистская герменевтическая концепция «смерти автора», провозглашенная Р. Бартом и подхваченная Ж. Деррида, обнаруживает свои истоки в самом основании церковной экзегетики, а именно в одном из ее наиболее плодотворных направлений — александрийской экзегетической традиции, которую автор обобщенно именуется «александризмом» и подвергает безоговорочному развенчанию как несостоятельную и погрешающую против интенции и прагматики библейского текста. Тезис этот настолько дискусионен, что требует специального подробного разбора, чему я предполагаю уделить в дальнейшем особое внимание, однако не здесь и не в этот раз.

⁹ Детальный разбор «consensus patrum» как фактора богословской достоверности см.: Пелу-кан Я. Христианская традиция. История развития вероучения. М., 2007. Т. 1. С. 318–325. Основные патристические свидетельства в пользу этой концепции представлены в кн.: Fiedrowicz M. Handbuch der Patristik. Quellentexte zur Theologie der Kirchenväter. Freiburg, 2010. S. 389–405.

¹⁰ Шохин. Новое введение в философскую теологию... С. 11.

¹¹ Он же. Философия религии и разновидности рациональной теологии... С. 15.

¹² Впрочем, можно обратиться еще глубже — к Аристотелю — и увидеть уже у него прототип философской теологии в виде теологической философии наряду с математической и физической философиями (Метафизика 1026 a19).

¹³ Шохин. Философия религии и разновидности рациональной теологии... С. 17.

на мой взгляд, произвольна. Выбор обусловлен тактическими соображениями: в условиях отсутствия исторических прецедентов инаугурация нового типа знания пройдет гораздо торжественнее, а ее исполнитель окажется значительно более свободным в его конструировании. Между тем версии философской теологии стали появляться по крайней мере за сто лет до указанной даты рождения.

Философская теология как специальная область знания и определившийся в своих основных чертах философский дискурс прочно вошла в историю мировой мысли еще в XIX в. Если ограничиться упоминанием лишь наиболее значительных достижений в этой области, то приведем «философию духа» позднего, берлинского Гегеля¹⁴, «философию откровения» позднего Шеллинга¹⁵ и философско-теологические сочинения Кьеркегора¹⁶. Заметим, что эти примеры относятся к заведомо независимой от теологического образования и науки философской мысли. Имели место и более поздние попытки выдвижения философской теологии на главенство уже в теологическом контексте. Так, профессор кафедры нравственного богословия Московской духовной академии М. М. Тареев в 1916 г. выступил с программой обновления церковно-научных исследований, прозвучавшей в качестве открытой лекции с названием «Новое богословие» и опубликованной в следующем, революционном году в Богословском вестнике МДА¹⁷, главным редактором которого, кстати, в это время был сам автор. Впрочем, выраженные здесь идеи появились у него задолго до того. Рассмотрим этот случай более пристально.

М. М. Тареев предпринял попытку внедрения в образовательную и академическую практику новой дисциплины — христианской философии — некоей обновленной христианской эпистемологии. По замыслу автора она должна была стать «наукой о христианстве»¹⁸. В таком качестве, разумеется, она должна освободиться от какого-либо внешнего руководства. Потому он отмечал, что «для идеи нового богословия является необходимым, роковым вопрос о предании»¹⁹. Приведу несколько красноречивых цитат, вполне раскрывающих замысел М. М. Тареева: «Между евангельским образом Христа и нашими понятиями стоит апостольско-патристическое догматическое учение, которое заслоняет от нас простоту евангельской истины»²⁰. И еще одна: «Святоотеческое учение — мы имеем твердые основания сказать это — это сплошной гностицизм, греческий гностицизм. Гностицизм существенно связан с аскетизмом... Византизм — это аскетическая система жизни... Гностицизм и аскетизм — вот что подарила нам греческая традиция... Святоотеческая литература была проводником в нашу культуру чужого, национально-греческого, упадочного, гностико-аскетического миросозерцания и миропонимания... Гностицизм и аскетизм — заклятые враги русского гения»²¹. И наконец: «Наше время (не забудем — революционное. —

¹⁴ Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie des Geistes (1827/28). Hamburg, 1994.

¹⁵ Шеллинг Ф. В. И. Философия откровения. СПб., 2002–2002. Т. 1–2.

¹⁶ См., например: Кьеркегор С. Философские крохи, или Крупицы мудрости. М., 2009.

¹⁷ Тареев М. М. Новое богословие: [Вступительная лекция. Сентябрь 1916] // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 1–53; № 8/9. С. 168–224.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Тареев М. М. Христос. Сергиев Посад, 1908². С. 7.

²¹ Он же. Новое богословие... С. 223–224.

П. М.) — лаборатория, в которое выясняется чистое христианство, освобождаясь от исторического облачения символов...»²².

Прот. Георгий Флоровский причислял М. М. Тареева к «великим тайнозрителям» вслед за Герценом, Толстым и Достоевским, однако он никоим образом не мог бы согласиться с притязаниями такого типа религиозного опыта на статус теологии, а уж тем более на его роль как руководящего звена. О. Георгий пронизательно отмечал присущий М. М. Тарееву «радикальный противо-историзм»²³, говоря: «Удивляет эта наивная готовность к самовыключению из христианской истории и преемства, эта наивность и нечувствие непомнящих родства...»²⁴, и пророчески добавлял: «...теперь отказ от „греческого наследства“ может означать только церковное самоубийство...»²⁵. М. М. Тареев же еще более темпераментно, чем В. К. Шохин, отвергал концепцию «согласия Отцов», говоря: «...”отеческий“ принцип грозит самому существованию богословия»²⁶. В проекте философской реформы богословского образования и науки, предложенном М. М. Тареевым, мы наблюдаем те же ключевые моменты, что и в обсуждаемом проекте философской теологии: 1) с одной стороны, безотчетность и независимость вводимой мета-дисциплины, с другой — ее главенствующее положение над другими типами знания, 2) радикальный пересмотр традиции, 3) обращение к Священному Писанию, не осложненное никакими обязательствами и не обремененное исторической памятью. В действительности мы имеем дело с проектом методической философской деконструкции теологического знания.

Рассмотренные версии философской теологии лежат в единой парадигме протестантского теологического сознания, руководствующегося принципом непосредственного обращения к данным Откровения, освобождения от каких-либо промежуточных исторических опытов и инстанций его постижения. Это, впрочем, не означает, что философская теология не имеет прав на существование в теологическом пространстве традиционных христианских конфессий. Вовсе нет. Однако ее место должно быть отчетливо очерчено. В действительности традиционная зона ответственности философской теологии — пограничье между совокупным теологическим знанием и внешней средой или эмансипированной религиозностью, автономным религиозным опытом и инородными по отношению к христианству мировоззрениями; здесь же формируется и концептуальный язык христианского богословия. Эта область необычайно плодотворна для христианской мысли. Без философской рефлексии богословская мысль вырождается: она теряет способность артикуляции невыразимого религиозного опыта, утрачивает средства коммуникации с современностью, — одним словом, лишается самого существенного своего свойства — служить словом для евангельской проповеди. Классический пример применения философской теологии — пять путей доказательства бытия Божия Фомы Аквинского, в которых не-

²² *Тареев М. М.* Христианская свобода // Он же. Основы христианства. Сергиев Посад, 1908. Т. 4. С. 415.

²³ *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 441.

²⁴ Там же. С. 512.

²⁵ Там же.

²⁶ *Тареев.* Новое богословие... С. 221.

теологические аргументы подтверждают теологические догматы. Обязанности философской теологии преимущественно охранительные и коммуникативные, или, точнее, диалогические. Если уподобить сумму богословского знания некоей цитадели, то философская теология будет представлять собою ее стены; через них христианская община устанавливает свои контакты с враждебно или миролюбиво настроенным внешним миром; они же являются градообразующим фактором для внутренней топографии воображаемого поселения. В программе же, предложенной В. К. Шохиним, философская теология, предпринимая интервенцию во внутренние области теологического пространства, заступает на «партнерскую» территорию, и именно этим обусловлены те порой неразрешимые противоречия, в которые она впадает. Нарушение области применения производит своеобразный «военный переворот» в «теологическом государстве» и провоцирует неизбежную в дальнейшем «диктатуру философского разума» в теологии. А между тем законодатель демаркации теологических дисциплин, Фридрих Шлейермахер, предупреждал о необходимости соблюдения основными теологическими дискурсами своих дисциплинарных рамок еще накануне русского похода Наполеона, в 1811 г., о чем речь пойдет ниже.

Итак, философская теология — дисциплина, несомненно, почтенная среди других типов научной рефлексии в христианских исследованиях, имеющая к тому же богатую историю, однако настало время задаться вопросом, является ли программа, предложенная В. К. Шохиним, единственной из возможных для всех направлений церковно-научных исследований? Нет ли каких-либо других проектов, которые могли бы ее уравновесить, а научной христианской мысли предложить перспективную альтернативу? Коль скоро предмет богословской рефлексии неисчерпаем, а возможности человеческой рациональности в его постижении заведомо ограничены, то частично компенсировать эту заведомую неполноту может лишь научная преемственность и согласованность наличных богословских сил. Полагаю, альтернатива, или, точнее, равновесная позиция у философской теологии существует. И она также имеет в истории христианской науки весьма содержательную биографию. Это историческая теология.

Призвание исторической теологии

Историческая теология — это теологический дискурс, строящий свою аргументацию от истории во всем ее многообразии и ценностной христианской аксиоматике. Как тип научной рефлексии историческая теология зародилась в эпоху протестантских споров, когда широко стал применяться аргумент от всеобщего согласия (*argumentum e consensu omnium*), хотя прецеденты восходят к глубокой древности²⁷. Признаки исторической рефлексии можно обнаружить уже у самых ранних христианских богословов, в частности у сщмч. Игнатия Богоносца, мч. Иустина Философа и сщмч. Иринейя Лионского²⁸. В кризисные мо-

²⁷ См., например: *Oehler K. Der consensus omnium als Kriterium der Wahrheit in der antiken Philosophie und Patristik // Idem. Antike und Abendland. München, 1969. S. 234–271.*

²⁸ См., в частности, гл. «Становление богословской истории в христианской древности» в моей книге «Категории богословской мысли» (М., 2013. С. 225–238).

менты богословской истории христианства обращение к прошлому, к истории играет важнейшую роль в выявлении своей верности изначальной проповеди Христа, в обосновании своей аутентичности. Своеобразная *эпистрофичность* (от греч. ἐπιστροφή — обращение назад, возвращение) вообще, наверное, составляет один из определяющих факторов в человеческом культурном и религиозном самосознании. При всякой фундаментальной трансформации человеческой цивилизации, при каждой радикальной смене исторической эпохи человечество обращается за образцами к собственной древности; такой ход закономерен и для христианской теологии.

Другой особенностью исторической теологии служит то обстоятельство, что христианство есть религия живая, продолжающая свою историю во времени человечества. Более того, всеобщая история и история библейская, или христианская в богословском понимании, соотносятся как часть и целое: всемирное существование человечества опознается христианами как бытие *в сторону от* и *в сторону к* Богу со всеми детальнейшими градациями исторической динамики отношений человека и Бога. Тем самым историческая теология это еще и теологическая рефлексия об истории, о всемирном времени и всеобщих событиях человечества, не только о своем прошлом, но и о своем настоящем. И как таковая историческая теология *континуальна* по отношению к предшествующей традиции, она ее продолжает, принимая на себя все ее существенные признаки и обязательства и актуализируя ее. Она континуальна и потому укоренена в традиции. Отдельной проблемой здесь ставится вопрос о предании или верности традиции: насколько историческая теология верна тому, у чего преемствует?

Дисциплинарное становление исторической теологии происходит в XVI в., когда теология опознает одним из своих предметов историю, а одним из неустрашимых свойств своей природы — историчность. Среди многих других свидетелей по этому вопросу выступил Мельхиор Кано, доминиканский монах из университета Саламанки, участник Тридентского собора, предложивший апробированную в дальнейшем систематизацию богословского знания в виде свода «теологических локусов» (*loci theologici*), разумея под ними области применения теологической рефлексии. Он насчитывал десять таких локусов: 1) Священное Писание, 2) предание Христово, 3) предание апостолов, 4) авторитет Церкви (в данном случае католический богослов, естественно, разумеет Католическую Церковь), 5) церковные соборы (в первую очередь Вселенские), 6) авторитет святых Отцов (века патристики), 7) авторитет богословов (века схоластики) и канонистов, 8) естественный разум (рациональность), 9) философские доктрины, 10) история. В перечисленных контекстах применение теологических инструментов оказывается релевантным и уместным. Последним полем для теологической деятельности М. Кано указывает историю как течение всеобщего времени, темпоральное измерение судеб человечества. Однако, помимо последнего *локуса*, указанного в этой систематизации, историческая теология обнимает практически все остальные *локусы*: все они сложились в общее наследие Церкви; некоторую автономию оставляют за собой лишь области естественного разума и философских доктрин.

XIX век стал временем торжества исторических наук и исторической теологии в частности. Один из историков исторической теологии, Ярослав Пеликан,

называет XIX век «золотым веком исторической теологии»²⁹. Именно в это время, в пору расцвета методологической и интердисциплинарной рефлексии, происходит полноценное методологическое становление исторической теологии как одного из главных типов теологической рефлексии. Немецкая идеалистическая традиция оказалась плодотворной средой для оформления различных типов рациональности в завершённые системы (Wende zum System). Именно в это время закладывались основы для завершённой систематизации теологического знания, и главная заслуга в этом принадлежит Ф. Шлейермахеру, опубликовавшему в 1811 г. «Краткое изложение теологических исследований»³⁰. Выявленные Шлейермахером основные теологические дискурсы и выделенные для них области в дальнейшем корректировались лишь в деталях, в целом же были приняты и сохраняют свое значение до сих пор. Именно к этому тексту возводит начало систематизации теологического знания А. МакГрат³¹; а В. Панненберг утверждал, что «книга Шлейермахера до сих пор остается классическим трудом»³².

«Богословская энциклопедия в формальном выражении» (eine formale Enzyklopädie), как охарактеризовал свой проект сам Шлейермахер (§ 20. S. 12), или структурный каркас теологического знания, каковым он является по сути, была во всех отношениях программным произведением уже широко известного автора «Речей о религии», созданным в связи с его избранием первым деканом теологического факультета незадолго перед тем (1809) реформированного Берлинского университета, одним из основателей и первых активных деятелей которого был сам Шлейермахер. «Изложение» сыграло роль базовой программы для теологического образования, сохранив свое значение до сих пор. Разумеется, с течением времени предпринимались весьма существенные внутренние перестановки отдельных элементов предложенной Шлейермахером систематизации, о чем еще будет сказано, но говорить о ее принципиальной переработке, пожалуй, не приходится.

Структура текста сама по себе весьма красноречива. Написанный в качестве учебника, этот текст представляет собой краткие определения, сведенные в сквозную нумерацию по параграфам, разделенные на введение и три неравные части, каждая из которых посвящена отдельному предмету: первая — философской теологии (§ 32–68), вторая — исторической теологии (§ 69–256) и, наконец, третья — практической теологии (§ 257–338). По общей композиции хорошо видно, что центральное место в богословской трилогии занимает историческая теология. Долевое соотношение с философской теологией составляет десять к одному, а с практической теологией — два с половиной к одному. Философская теология выполняет роль методологических пролегомен в теологическое знание, выявление «сущности христианства» (Wesen des Christentums, § 24), а также

²⁹ Pelikan J. Historical Theology. Continuity and change in Christian doctrine. L., 1971. P. 51.

³⁰ Schleiermacher F. Kurze Darstellung des theologischen Studiums // Idem. Sämtliche Werke. I Abt. zur Theologie. Berlin, 1843³ Bd. 1. Второе издание этого произведения 1830 г. автор счел необходимым опубликовать без существенных изменений, хотя к этому времени некоторые пункты его первоначальной систематизации были уже уточнены.

³¹ См., в частности: McGrath A. E. Historical Theology. An Introduction to the History of Christian Thought. Oxford, 1998. P. 3–4.

³² Pannenberg W. Wissenschaftstheorie und Theologie. Frankfurt, 1973. S. 19.

берет на себя оборонительные функции (полемика и апологетика). Смысловым и структурным центром здания богословских наук, по Шлейермахеру, является историческая теология. Наконец, практическая теология занимается собственно практикой церковной жизни; ее место Шлейермахер выделяет особо, охотно называя ее «венцом теологических исследований». Последняя работает с такими аспектами религиозной жизни, как религиозный культ, гомилетика, катехетика, душепопечение.

Каждый из трех основных видов теологии занимает строго очерченное место и находится в четком соотношении и взаимодействии с другими. Историческую теологию Шлейермахер уподобляет телу богословского исследования, тогда как философская и практическая теологии являются его проекциями: «Историческая теология есть самоё тело (*eigentliche Körper*) богословского исследования, связанное через философскую теологию с конкретными науками, а через практическую теологию — с активной христианской жизнью» (§ 28. S. 15); она — не только основание практической теологии, но и подтверждение философской» (S. 14–15). Вот как звучит базовое определение исторической теологии у Шлейермахера: «Церковное сознание требует знания искомой целостности во всяком ее состоянии, а целостность исторична и может быть постигнута лишь как плод прошлого; и такое понимание во всем его объеме есть историческая теология в широком смысле слова» (S. 14). И примечание: «Современность не может быть опознана в свете последующего будущего без понимания того, как оно развилось из прошлого». Тем самым историческая теология разворачивает область своей компетенции от первых событий христианской истории, уходящих в Ветхий Завет и в самые изначальные моменты бытия мира — события творения, до текущего момента существования христианской общины. Более того, в известном смысле историческая теология обуславливает судьбу теологии как таковой в будущем. Все это необъятное историческое пространство, наполненное событиями, судьбами бесчисленных поколений людей, падениями и свершениями, находится в поле зрения исторической теологии и может оказаться предметом для ее работы.

При более детальном рассмотрении, на следующем уровне подробности, историческая теология состоит из трех разделов: изучение раннего христианства (экзегетическая теология, или, шире, библейская теология, § 103–148), изучение общей истории христианства (история догматов и история этики, церковная история, § 149–194) и изучение его состояния в настоящий момент, обозначаемое трудно переводимым выражением «*die kirchliche Statistik*» (букв. «церковная статистика» — состояние и положение Церкви, § 81–85. S. 38–40; § 195–250). Раннехристианскими исследованиями историческая теология примыкает к философской, а современностью — к практической (§ 85, примеч. S. 40).

На третьем уровне детализации исторической теологии экзегетика, или библейская теология, включает в себя: 1) собственно библеистику с ее специфическими задачами — решением проблемы канона, подлинности, прототекста и проч.; 2) герменевтику — искусство понимания (§ 132; именно здесь отводится место для библейской герменевтики, а не среди компетенций философской теологии, поскольку самоаналитика может проводиться лишь с позиций христианской традиции, а не с каких-то произвольных установок). Экзегетика порой выводилась в само-

стоятельную дисциплину «библейская теология», однако сохраняла при этом свою аффилиацию с исторической теологией. В подразделе истории христианства — источное звено исторической теологии — указываются история догматов (ключевая дисциплина для исторической теологии) и история Церкви. Догматическая, или систематическая, теология есть одна из ветвей исторической теологии; она относится Шлейермахером к третьему подразделу исторической теологии — «церковной статистике» (§ 97, примеч. S. 45). Впоследствии догматическая, или систематическая, теология выводилась в отдельную рубрику. Подобным же образом и церковная история в дальнейшем оформлялась как самостоятельная дисциплина. Однако сам Шлейермахер до конца жизни придерживался инклюзивного подхода, и в этом были свои весомые резоны: ни систематика, ни церковная история немислимы без синтезирующей историко-богословской рефлексии исторической теологии, исходным предметом которой является история богословских идей. Тем самым догматика и история теснейшим образом связаны и обусловлены исторической теологией. По сути дела, обе дисциплины выступают базовыми контекстами для исторической теологии: систематика — современным контекстом, церковная история — историческим, сочетая тем самым синхронический и диахронический подходы³³. В результате особого прочтения природы истории как совокупности прошлого, настоящего и будущего историческая теология оказывается ответственной не только за изучение прошлого христианской традиции, но и за налаживание связи с современностью и за последствия этого взаимодействия.

Предметное поле философской теологии, по Шлейермахеру, гораздо уже таковой исторической теологии. Он ограничивает сферу ее ответственности двумя типами богословской деятельности — апологетикой и полемикой (§ 42. S. 21). Однако ее значение для общего теологического знания оценивает достаточно высоко: философская теология занимает место выработки принципов теологической рефлексии («Ort aller Principien», § 89. S. 42). Шлейермахер предостерегает: «Философская теология и историческая теология должны находиться в тесном взаимодействии, они могут состояться лишь *в* и *через* друг друга» (§ 254. S. 99).

Отзвуки инициированной Шлейермахером методологической дискуссии по классификации теологического знания и сопряженных с этим университетских образовательных программ проявились в континентальных университетах, а также в русской церковно-академической среде. Трилогия Шлейермахера претерпела некоторые трансформации: философская теология оказалась несколько потесненной выделившейся отдельно систематической теологией (как было сказано выше, первая получала реализацию скорее в секулярном интеллектуальном пространстве); историческая и практическая теологии оставались на своих местах, но с некоторыми изменениями в своем внутреннем наполнении. В истории русского богословского образования³⁴ Устав 1860-х гг. ввел в духовных академиях специализацию по трем направлениям: богословскому, церковно-

³³ По отношению к церковной истории историческая теология выполняет герменевтическую функцию, а по отношению к систематической теологии — информативную и одновременно критическую (ср.: McGrath. Historical Theology... P. 10, 12–16).

³⁴ См.: Сухова Н. Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. Вып. 9. С. 145–146.

историческому и церковно-практическому. Наполнение второго и третьего разделов явно перекликается с членением, предложенным Шлейермахером. Разумеется, первое богословское направление имело вполне самостоятельное содержание и не совпадало с философской теологией в системе Шлейермахера, а включало в себя разделы исторической теологии, в частности историю догматов и библейское богословие, т. е. экзегетику.

Историю исторической теологии вплоть до начала XX в. описал ее преданный работник Ярослав Пеликан, автор монументального пятитомника «Христианская традиция: История развития вероучения»³⁵, выполненного в жанре историко-теологического исследования. Он предварил это издание специальным методологическим и историческим введением в историческую теологию в книге «Историческая теология. Преемство и изменения в христианском вероучении»³⁶. Я. Пеликан определяет историческую теологию как «генетическое изучение христианской веры и учения»³⁷, признавая некоторое смысловое напряжение между терминами «теология» и «история» («История говорит о становлении; теология же имеет дело с бытием», однако в действительности речь идет, по удачному выражению Й. А. Мёлера, о «бытии в становлении»³⁸), и связывает ее появление с разработкой в немецком протестантизме XIX в. феномена «богословской энциклопедии», включавшей различные теологические дискурсы: библейскую, систематическую, историческую, философскую и практическую теологии. Вклад в развитие исторической теологии привнесли виднейшие протестантские и католические теологи и историки, среди которых особенно выделяются Ф. К. Баур, Й. А. Мёлер, Дж. Г. Ньюмен, А. Гарнак и др. Основной задачей исторической теологии Я. Пеликан называет системное всестороннее «изучение истории христианского вероучения: как оно веровало, учило и исповедовало»³⁹. Методологией исторической теологии, при всем разнообразии конкретных методов, он указывает пристальное изучение контекста того или иного события, факта и документа. Пережившая блистательный расцвет в христианских исследованиях XIX в., «история догматов» (*Dogmengeschichte*) в действительности является лишь подразделом исторической теологии, причем идейное наполнение этой дисциплины существенно отличается от одного автора к другому (ср., например, концепцию *Dogmengeschichte* как «эллинизацию христианства» А. Гарнака и «историю доктрин» как континуальное течение ортодоксальной традиции, предложенную Ж. Тиксероном). Традиционными предметами исторической теологии Я. Пеликан вполне в духе Шлейермахера называет библейские исследования, церковную историю и систематическую теологию⁴⁰.

Наконец, особое внимание Я. Пеликан уделяет современному аспекту исторической теологии: она глубоко вовлечена в богословскую актуальность своего

³⁵ *Pelikan J.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. Vol. 1–5. Chicago: University of Chicago Press, 1971–1989. На рус. яз. вышло два тома: *Пеликан.* Указ. соч. М., 2007. Т. 1; 2009. Т. 2.

³⁶ *Pelikan.* Historical Theology...

³⁷ Там же. Р. XIII.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Р. 99.

⁴⁰ Там же. Р. XXII.

времени, «она не только изучает историю, но создает историю и создается ею»⁴¹. Сходным образом дело исторической теологии определял и К. Ранер: «...она обращается к фрагменту нашего прошлого, формируя наше будущее»⁴². Исследования в области исторической теологии, по мысли Я. Пеликана, должны сосредоточиться на передвижении доктрин от того, во что веровали, чему учили и что исповедовали в церкви; отношения между тремя этими категориями он описывает как включенные друг в друга концентрические круги: «Церковь всегда веровала больше того, чему учила, и официально исповедовала меньше того, чему учила... а рамки исторической теологии ограничены полемикой и апологетикой, исповеданиями веры и учениями»⁴³.

История исторической теологии в послевоенном мире пока не написана, хотя развивалась она широко и бурно. В динамике историко-богословской рефлексии в XX в. наблюдается известная закономерность, обусловленная историческими событиями эпохи. После Первой мировой войны в богословском мире произошел решительный отказ от эксклюзивистских принципов либеральной теологии в протестантизме. На смену программе Гарнака и Ричля приходит программа К. Барта. В межвоенный период вызревают основные идеи обновленной исторической теологии, в частности в среде французских доминиканцев в бельгийском, а затем парижском Сольшуаре (М.-Д. Шеню, Ив Конгар) и иезуитов в лионском Фурвьере (А. де Любак, Ж. Даниелу, Г. У. Бальгазар), а также среди русских богословов в изгнании, в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже (в частности прот. Георгий Флоровский). После Второй мировой войны наступает время воплощения выношенных идей. Масштабной реализацией идей исторической теологии во многих отношениях является Второй ватиканский собор, рассмотрение деяний которого потребовало бы слишком много места. В научном мире это пора больших издательских серий и исследовательских проектов. Среди начинаний по исследованию богословских идей христианства в широком охвате контекстов, их породивших, можно упомянуть сводную историю догматов М. Шмауса и др.⁴⁴, историческую христологию Алоиза Грильмайера⁴⁵, историю доктрин Бернара Сесбуйе и др.⁴⁶, историю христианского вероучения Я. Пеликана⁴⁷, историю богословских идей Евангелисты Виланова⁴⁸. Эти фундаментальные серии являются результирующими изданиями, выполненными в рамках исторической теологии и широко вовлеченными в систему теологического образования в современном мире. За ними стоят необозримые эшелоны специальных моно-

⁴¹ *Pelikan*. Historical Theology... P. 68–69.

⁴² Цит. по: *Fédou M.* Les Pères de l'Église et la théologie chrétienne. Paris, 2013. P. 76.

⁴³ *Pelikan*. Historical Theology... P. 97.

⁴⁴ *Handbuch der Dogmengeschichte* / M. Schmaus, A. Grillmeier, L. Scheffczyk, M. Seybold und and., Hrsg. Freiburg, 1951–2007. Серия состоит из основных разделов догматического богословия с делениями на выпуски, каждый из которых представляет собой внушительную монографию. Всего вышло около 50 книг.

⁴⁵ *Jesus der Christus im Glauben der Kirche* / A. Grillmeier, Th. Hainthaler, Hrsg. Freiburg, 1979–2014. Bd. 1–2. На настоящий момент вышло пять больших томов, издание продолжается.

⁴⁶ *Histoire des dogmes* / B. Sesboué, dir. Paris, 1994–1996. T. 1–4.

⁴⁷ *Pelikan*. The Christian Tradition...

⁴⁸ *Vilanova E.* Historia de la teología cristiana. Barcelona, 1987–1992. T. 1–3.

графических исследований христианской традиции и изданий ее бесчисленных источников, которыми насыщена мировая гуманитарная наука.

Попытаюсь подвести итог и обозначить основные постулаты исторической теологии, ее принципы и топосы. Первым постулатом следует выдвинуть признание историчности ее предмета, понимаемого в самом расширительном смысле как манифестации божественного Откровения на протяжении всей истории сотворенного мира. Вторым постулатом является родовая характеристика богословского знания как части традиции, или Предания, существующей в историческом времени народа Божиего. Среди главных принципов исторической теологии следует указать: 1) конфессиональность как фактор принадлежности к традиции; 2) контекстуальное и диахроническое изучение предмета (целостная герменевтика); 3) научная и духовная актуальность, лежащие в области изначальной исследовательской мотивации. Топосы исторической теологии бесчисленны: по сути дела, всякое значительное или ничтожное явление мировой истории может послужить поводом для постановки научной проблемы для нее. Однако наиболее устойчивые топосы, или темы, исторической теологии таковы: 1) Предание, или традиция; 2) экзегеза Священного Писания; 3) историческая и концептуальная динамика богословской и канонической мысли (проблема истории или развития); 4) ортодоксия и гетеродоксия.

Стоящие перед исторической теологией задачи в отечественном теологическом пространстве безграничны: это и освоение обширного христианского наследия, погружение в древнюю традицию, изучение его контекста, интерпретация, наконец, его актуализация для современности, коль скоро мы согласны признать правоту знаменитой формулы Ива Конгара: «Предание есть Евангелие, живущее в Церкви»⁴⁹. Разумеется, историческая теология никоим образом не должна замыкаться в себе и хоть как-то противопоставляться другим типам теологического исследования — философской теологии, систематической теологии, библейской теологии и практической теологии. Историческая теология никоим образом не должна доминировать среди прочих теологических рубрик, что в равной мере относится и к философской теологии. Потому поставленный в заглавии настоящей статьи вопрос вовсе не предполагает исключительного выбора в пользу философской, исторической или какой-либо другой теологии. Однако компетенции соответствующих дискурсов следует непременно учитывать и не путать экспертную функцию с консультативной. Итак, лишь слаженное взаимодействие различных теологических дискурсов, их взаимодополнение и обоюдное подкрепление могут способствовать столь необходимому расцвету богословской мысли и церковного дела.

* * *

В заключение следует от всего сердца поблагодарить Владимира Кирилловича Шохина за пробуждение отечественной теологической мысли от «методологического сна» и за призыв уделить должное внимание самопознанию богословием своей природы, своих внешних границ и внутренней структуры, компетенций, функций и предназначения. Думаю, что заданное В. К. Шохиним

⁴⁹ Congar Y. La Tradition et les traditions. Paris, 1960 (2010²). Т. 1. P. 247.

направление идейной и методологической поддержки теологических исследований может и должно быть продолжено в различных общих и специальных богословских науках.

Ключевые слова: богословская методология, философская теология, историческая теология, В. Шлейермахер, М. М. Тареев, история теологии, история догматов, история Церкви.

THEOLOGY AT THE CROSSROADS: PHILOSOPHICAL OR HISTORICAL THEOLOGY?

P. MIKHAYLOV

The article continues the accomplishment of methodological support for the basic theological sciences initiated in recent publications of Vestnik of St Tikhon's University concerning a systematization of the *encyclopedia of theological sciences* and its components. The precedents of such kind of systematization go to the epoch of the "historical turn" in German Protestantism at the beginning of the 19th century and to the works of Fr. Schleiermacher in particular. Yet during that time the general rubrics of theological knowledge were sorted out: philosophical, historical and practical theology, as well as some incoming special disciplines: apologetics and polemics, history of theology and history of the Church, systematical and Biblical theology, homiletics and catechism, liturgical and Church ministry. The author accentuates that all different theological disciplines could fruitfully develop only in close interaction observing particular competences of each other. In the case of advancement of one theological discourse to the dominating role, the inner conflicts are inevitable as well as unsolvable difficulties in its application. The project of a reform of theological knowledge proposed by professor of Moscow Spiritual Academy M. Tareev in 1916–1917 clearly demonstrates fatal abuses following the usurpation of a leader position by single division of theological knowledge. Special attention is paid to one general rubric — historical theology: author tries to propose its substantial definition, variants of its inner disciplinary fulfilling, historical survey of its development (16–21st cc.) as well as formulating of its general postulates, principles and goals.

Keywords: theological methodology, philosophical theology, historical theology, F. Schleiermacher, M. Tareev, history of theology, history of dogmas, history of doctrines, history of the Church.

Список литературы

1. Владимир Кириллович Шохин: Библиографический указатель. М.: Вост. лит., 2011.
2. Кьеркегор С. Философские крохи, или Крупицы мудрости. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.

3. *Михайлов П. Б.* Категории богословской мысли. М.: ПСТГУ, 2013.
4. *Пеликан Я.* Христианская традиция. История развития вероучения. М.: Духовная библиотека, 2007. Т. 1; 2009. Т. 2.
5. *Сухова Н. Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. Вып. 9. С. 135–169.
6. *Тареев М. М.* Христианская свобода // Он же. Основы христианства. Сергиев Посад, 1908. Т. 4.
7. *Он же.* Христос. Сергиев Посад, 1908².
8. *Он же.* Новое богословие: [Вступительная лекция. Сентябрь 1916] // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 6/7. С. 1–53; № 8/9. С. 168–224
9. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
10. *Шохин В. К.* Новое введение в философскую теологию // Эванс Ч. С., Мэнис Р. 3. Философия религии: размышление о вере. М.: ПСТГУ, 2011. С. 11–13.
11. *Он же.* Философия религии и разновидности рациональной теологии // Философия религии: Альманах. 2010–2011. С. 15–30.
12. *Он же.* Философская теология и основное богословие // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. Вып. 1 (51). С. 57–79.
13. *Он же.* Философская теология и библейская герменевтика: дискурс о постструктуралистском вызове // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. Вып. 6 (56). С. 41–51.
14. *Шеллинг Ф. В. И.* Философия откровения. СПб.: «Наука», 2002–2002. Т. 1–2.
15. *Congar Y.* La Tradition et les traditions. Paris : Cerf, 1960 (2010²). Т. 1.
16. *Idem.* Théologie historique // Initiation à la pratique de la théologie / B. Lauret, F. Refoulé. Paris : 1987. Т. 1. P. 233–262.
17. *Fédou M.* Les Pères de l'Église et la théologie chrétienne. Paris, 2013 .
18. *Fiedrowicz M.* Handbuch der Patristik. Quellentexte zur Theologie der Kirchenväter. Freiburg, 2010.
19. Handbuch der Dogmengeschichte / M. Schmaus, A. Grillmeier, L. Scheffczyk, M. Seybold und and., Hrsg. Freiburg: Herder, 1951–2007.
20. *Hegel G. W. F.* Vorlesungen über die Philosophie des Geistes (1827/28). Hamburg, 1994.
21. Histoire des dogmes / B. Sesboüé, dir. Paris : Desclée, 1994–1996. Т. 1–4.
22. Jesus der Christus im Glauben der Kirche / A. Grillmeier, Th. Hainthaler, Hrsg. Freiburg: Herder, 1979–2014. Bd. 1–2.
23. *McGrath A. E.* Historical Theology. An Introduction to the History of Christian Thought. Oxford: Blackwell, 1998.
24. *Oehler K.* Der consensus omnium als Kriterium der Wahrheit in der antiken Philosophie und Patristik // Idem. Antike und Abendland. München, 1969. S. 234–271
25. *Pannenberg W.* Wissenschaftstheorie und Theologie. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1973
26. *Pelikan J.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. Chicago: University of Chicago Press, 1971–1989. Vol. 1–5.
27. *Idem.* Historical Theology. Continuity and change in Christian doctrine. L.: Hutchinson & Co, 1971.
28. *Schleiermacher F.* Kurze Darstellung des theologischen Studiums // Idem. Sämtliche Werke. 1 Abt. zur Theologie. Berlin, 1843³. Bd. 1.
29. *Vilanova E.* Historia de la theología cristiana. Barcelona: Herder, 1987–1992. Т. 1–3.